

УДК 93-37.01

М. П. Войтеховская

ПЕРЕПИСКА К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Статья посвящена рассмотрению переписки известного государственного деятеля второй половины XIX в. К. П. Победоносцева с корреспондентами. Переписка опубликована и представляет собой замечательный исторический источник по истории образования, поскольку К. П. Победоносцев с 1880 г. был обер-прокурором Священного Синода и ведал делами просвещения в России.

Ключевые слова: образование, история просвещения в России, история XIX века, К. П. Победоносцев.

Константин Петрович Победоносцев был, пожалуй, самой значительной политической фигурой с середины 1860-х гг. вплоть до 1907 г. Сын профессора Московского университета, профессор кафедры гражданского права этого же университета, учитель законоведения великих князей, в том числе будущих императоров Александра III и Николая II, с 1868 г. – сенатор, с 1872 г. – член Государственного Совета, с 1880 по 1905 г. – обер-прокурор Синода. К. П. Победоносцев оказал значительное влияние на историю России, был главным государственным идеологом на протяжении четверти века. Современники отмечали честность и неподкупность, трудолюбие и скромность в обыденной жизни К. П. Победоносцева. Он, безусловно, являлся одним из самых образованных людей России, «аристократом духа», обладал несомненным талантом ученого и публициста. А некоторые наблюдения и выводы К. П. Победоносцева актуально звучат по сей день. Его перу принадлежат трехтомный «Курс гражданского права» (1896), политический труд «Ле-Пле» (1893), сборник статей – «Московский сборник» (1897). Многие работы К. П. Победоносцева были опубликованы в печати под псевдонимами и их нельзя с точностью указать.

Константин Петрович Победоносцев был убежденным государственным деятелем. Государство, по его мнению, обязано быть не только носителем властных функций, но и регулятором социальных отношений. Основным механизмом государственного воздействия – это власть, органичная человеческому обществу с его нравами и исторической судьбой. Власть должна иметь консервативный характер и являться своего рода гарантом социального постоянства. Консервативные идеи К. П. Победоносцева обернулись для России политической государственной «охранительством». Именно К. П. Победоносцев известный историк и лидер либеральной оппозиции П. Н. Милюков назвал одним из тех, «кто несет главную ответственность за крушение династии» [1, с. 57].

«Великой ложью нашего времени» назвал К. П. Победоносцев теорию народовластия [2, с. 31]. В Московском сборнике за 1896 г. он писал, что идея парламентаризма хороша сама по себе, однако практика далеко не соответствует идеальной теории. «Представители народные не стесняются нисколько взглядами и

мнениями избирателей, но руководятся собственным произвольным усмотрением или расчетом, соображаемым с тактикой противной партии...» [2, с. 33]. Парламент, по определению К. П. Победоносцева, есть «учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей» [2, с. 34].

Деление общества на партии, борьба политических сил за власть, построение правительства на парламентских началах К. П. Победоносцев назвал «величайшим злом конституционного порядка», которое приводит к беспорядку и насилию в обществе, превращает свободу в «фикцию», отрешает народных избранных от «основной идеи о пользе государственной» [2, с. 49–53]. «Больно и горько думать, – делал вывод К. П. Победоносцев, – что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас» [2, с. 45].

К. П. Победоносцев считал необходимым в общественной жизни следовать «закону десяти заповедей Христа и авторитету родительской власти», «закону обладания хлебом насущным» и «социальным обычаям». Общественная жизнь, по убеждению Победоносцева, должна базироваться на религиозной основе, и любые изменения должны происходить естественным путем, без резких изменений [3]. В отношении «общество – личность» он был безусловным сторонником почвеннической линии и считал общественные ценности выше ценностей индивида. Развитие индивидуализма К. П. Победоносцев назвал «болезнью настоящего времени» [4]. Современное ему индустриальное общество, интенсивное развитие капитализма с кредитами, акциями и банковскими операциями создавали новые ценности – личную предприимчивость, умение манипулировать деньгами и часто законом... Признание и богатство многими «предприимчивыми дельцами» приобреталось не за счет производительного труда и образования, а за счет личной изворотливости. Формировалось легковесное отношение к жизни, создавалась видимость того, что отдельный индивид может стать выше общественных законов и ему дозволено нарушать традиции. Что станет с обществом, если в нем возобладают такие настроения?

В 1880 г. К. П. Победоносцев был назначен на пост обер-прокурора Святейшего Синода в переломный

для России период. Он не разделял реформаторской политики Александра II и был противником введения элементов конституции и народовластия, даже обещал уйти в отставку, если проект Земского собора будет принят. В обстановке острого кризиса Александр II был вынужден одобрить проект представительства, разработанный генералом М. Т. Лорис-Меликовым в начале 1881 г. Однако гибель царя от рук террориста надолго отдала реформу государственного строя и направила политику правительства в реакционно-охранительное русло. Манифест 29 апреля 1881 г., составленный для Александра III К. П. Победоносцевым, определил консервативный характер политики нового царствования, годы которого были отмечены, с одной стороны, политической стагнацией, с другой – интенсивным экономическим развитием и внешнеполитическим спокойствием – Россия не воевала. Константин Петрович Победоносцев был безусловным авторитетом для императора и фигурой повышенного внимания со стороны просвещенной части россиян.

Обширная переписка обер-прокурора Синода со своими корреспондентами, сохранившаяся до наших дней и опубликованная в виде двухтомника [5], позволяет отчетливо представить общественную и политическую жизнь России времен царствования Александра III. Чаще всего к Победоносцеву обращались высокие чиновники, представители науки, известные публицисты, предприниматели. Но среди авторов писем много неизвестных людей, простых обывателей. Обычно Победоносцеву писали люди, верноподданнически настроенные, но сохранилось несколько писем анонимных и явно враждебного, угрожающего содержания.

Поскольку Святейший Синод контролировал работу Министерства народного просвещения, среди писем Победоносцеву многие посвящены проблемам образования, которые напрямую связывались с перспективами политического развития страны и достижения социального мира. Во всех письмах звучала обеспокоенность нравственным состоянием общества, положением дела с воспитанием в учебных заведениях, однако варианты решения проблем назывались различные и зависели от уровня образования, характера воспитания и социального статуса авторов писем.

С середины 1870-х гг. российское общество постоянно лихорадило по поводу все новых сообщений о террористических актах в отношении высокопоставленных государственных сановников, включая самого императора. В письме П. Д. Голохвостова, сына попечителя Московского учебного округа, мирового судьи в Звенигородском уезде К. П. Победоносцеву от 10 декабря 1879 г. отражена позиция значительной части дворянства: «...Первый общенародный страх наш: за тех, кто всем нам так искренне дорог в Зимнем и в Аничковом дворце. *Второй страх конституция*» [5, т. 1, с. 8]. Голохвостов отмечал в письме, что среди «бунтарей» и «смутьянов» много

студенческой молодежи и что, если дойдет дело до столкновения защитников самодержавия и его противников, то народ бросится первым на этих «бунтарей, где он их чует: разнесет университеты, гимназии...» [5, т. 1, с. 10].

Тревогу консервативно настроенной части российского общества вызывало распространение в крестьянской среде народничества и деятельность земств. Так, П. Г. фон Дервиз, крупный железнодорожный концессионер и строитель, известный благотворитель в неизданном сочинении о России констатировал социальный конфликт [5, т. 1, с. 22], одним из способов преодоления которого он считал целенаправленное воспитание народа. П. Г. фон Дервиз предлагал учредить в России на пожертвованные им средства в полмиллиона рублей, «а коли нужно – пожалуй, и больше», особое учебное заведение для подготовки из юношества с гимназическим образованием специалистов, «способных к влиянию и руководительству» в деревенской среде. Эти люди официально могли бы числиться, например, инспекторами больниц и заботиться о «народном здравии». На деле они создали бы «класс людей, который, находясь в непрерывном соприкосновении с народом, имел бы полную возможность снискать расположение и доверие народа, – отнюдь не делаясь его “начальством”» [5, т. 1, с. 20–21]. Речь шла о подготовке идеологов, носителей официальной правительственной политики, и их внедрении в массы. Разумеется, что это предложение Дервиза не было принято, однако появление подобного рода проектов свидетельствовало о том, что в России нарастала социальная напряженность, и общество ждало от правительства политической определенности.

Российская общественность второй половины XIX в. в подавляющем большинстве ратовала за распространение образования, как начального, так и среднего. Образование, особенно профессиональное, было необходимым условием развития экономики. Вместе с тем верхние слои российского общества поддерживали проводившийся в последние десятилетия XIX в. курс на усиление роли государства в образовательной сфере и сословное разграничение учебных заведений. Директор-распорядитель Общества пароходства и торговли, будущий член совета Министерства финансов Н. А. Новосельский причины неудовлетворительного состояния народных училищ видел в том, что большинство из них создано либо контролируется либерально настроенными земствами. Он полагал, что вся народная школа должна быть передана в ведение синода, а учителями в школах назначены священники. Государство не должно передоверять кому бы то ни было важное дело просвещения и воспитания. Деньги на образование обязательно должны быть в государственной казне. Если их не хватает, лучше перераспределить средства, возложив на те же земства обязательства строить дороги или возводить какие-то сооружения [5, т. 1, с. 350–352].

«Для массы нужно простое училище, вроде бывшего уездного, – писал товарищ обер-прокурора во втором департаменте сената и бывший попечитель гимназии Н. А. Хвостов. – Нужно твердо знать закон божий, русскую грамоту, арифметику, историю России и кратко главные события всемирной истории, подробно географию России и кратко географию других стран, чистописание должно преподаваться старательно... Если добавить лишний класс для бухгалтерии и счетоводства, то и прекрасно» [5, т. 1, с. 350–352]. Он отмечал, что если будут открыты 4-классные училища, «гимназии освободятся от балласта» и станут настоящей школой для подготовки к высшему образованию. А одним из наиболее действенных способов достичь названной цели он называл повышение платы за гимназическое образование и сохранение низких и умеренных «цен» на обучение в реальных училищах: «Если в 4-классном училище плата будет от 5 до 10 рублей, а в гимназии она поднимется даже до 100 рублей, то в гимназиях будет просторно». Единственным исключением из правил он считал уменьшение или даже полное освобождение от оплаты детей обедневших дворян и небогатых правительственных чиновников.

В отношении высшей школы Н. А. Хвостов писал: «...Я боюсь университета. Боюсь не бомб и товарищества... Я опасуюсь порядков, совершенно нелепых. Опасаюсь, что из государственного экзамена сделают такую же полицейскую меру, как из классицизма, будут стараться всех проваливать, чтобы отбить охоту идти в университет» [5, т. 1, с. 309].

Обеспокоенность духовным состоянием интеллигенции и положением в университетах высказывал известный философ и энциклопедист, библиотекарь Румянцевского музея Н. Ф. Фёдоров. В письме Победоносцеву он, размышляя о причинах трагедии 1 марта 1881 г., отмечал, что «основное свойство нашей интеллигенции – это потеря смысла жизни, совершенная бесцельность существования... наша учащаяся молодежь оставлена на произвол судьбы, оставлена праздности, лишена всякого руководства...» [5, т. 1, с. 289–290]. Причиной такого состояния школы он считал необдуманное восприятие всевозможных систем образования – английских, французских, немецких и проч. «...Высшая школа, – писал ученый... и там, у себя дома, была не произведением обдуманного плана, а родилась сама собой, можно сказать, бессознательно...» [5, т. 1, с. 291]. Российские университеты не должны копировать чужой опыт, а развиваться обдуманно. Ф. Фёдоров предлагал превратить университеты в мощные научные комплексы, состоящие из учебных аудиторий, библиотек, музеев, научных лабораторий... «Такое соединение необходимо... чтобы университетское преподавание было не чтением и слушанием лекций, сообщающих только общие взгляды и также мало действующих, как проповедь, а самостоятельную под руководством про-

фессоров и ученых работою учащихся (это и есть эвристический способ)» [5, т. 1, с. 291]. Он предлагал профессорам выполнять функции библиотекарей, заведующих отделами музеев, лабораторий и т. п., а студентам – функции их помощников. Это, по убеждению философа, сблизило бы профессоров и студентов, позволило первым неформально руководить молодежью, уничтожило антагонизм между старшими и младшими.

Председатель киевской археологической комиссии М. В. Юзефович считал, что после выхода в свет манифеста 29 апреля 1881 г. «неотложным вопросом у нас стоит школьное дело», поскольку «просветительная система, исторически выросшая на западноевропейской почве, оказывается в настоящее время уже не соответствующей потребностям жизни» [5, т. 1, с. 199]. И преобразования в школьном деле он полагал необходимым производить «не по западным устарелым образцам, а по разумению того значения, какое имеет просвещение в жизни народа...» [5, т. 1, с. 201].

Очевидно, что российскую общественность тревожили факты волнений в студенческой среде, распространение противоправительственных настроений, участие студентов в народническом движении и террористических организациях. Неоднозначно относились и к вопросам предоставления вузам академических прав и свобод, оборотной стороной которых виделась «излишняя вольность» студенческой молодежи. Среди первоочередных задач образования М. В. Юзефович выделил две: необходимость дифференциации высшей школы и развитие патриотического, нравственного воспитания.

Вторая задача звучала вполне традиционно, и большинство корреспондентов, обращавшихся к Победоносцеву с предложениями развития системы народного просвещения, писали о необходимости в учебных заведениях всех ступеней и видов отводить больше внимания изучению истории и отечественного языка, религиозных учений, т. е. дисциплин, дающих «возможность проводить в душу и национальную, патриотическую струю...» [5, т. 1, с. 201].

Что касается первой задачи – дифференциации вузов, – она звучала по-новому и представляет некоторый интерес в связи с обсуждением современных моделей высшего профессионального образования. Юзефович отмечал, что университеты помимо высокой науки с середины XIX в. вынуждены были заниматься подготовкой кадров по прикладным специальностям, что отвлекало силы одних и не давало возможности развиваться другим. «Непосильная умственная пища, как и непосильная пища физическая, одинаково прививает организму неизбежные недуги». Между тем потребность в высшем образовании в обществе росла, и ее надо было удовлетворять. Открытие в классических университетах многочисленных факультетов, дающих узкую про-

фессию, подрывало былой авторитет этих учебных заведений.

По мнению М. В. Юзефовича, университеты должны были стать высшей ступенью образования – «храмами науки», а для подготовки специалистов по прикладным знаниям нужно было расширить сеть высших профессиональных учебных заведений. Специализированные вузы должны были давать выпускникам гимназий прикладное образование, звание действительного студента и степень кандидата. В университеты следовало принимать только самых достойных выпускников специализированных вузов, чтобы они, изучив академическую науку, могли достичь степени магистра и доктора. Вероятно, у проекта Юзефовича была и вторая сторона: стремление поставить наиболее многочисленную часть студенчества под контроль со стороны администрации, хотя об этом прямо в письме не говорилось. Юзефович предлагал в специальных вузах ограничить свободы и ввести «школьную дисциплину». А поскольку студентами университетов будут зрелые люди, преданные науке и, следовательно, менее подверженные влияниям извне, университетам можно было бы оставить все академические права [5, т. 1, с. 200–201].

Размах студенческих волнений к осени 1883 г. достиг небывалых размеров, и на заседании комитета министров по делу о мерах против беспорядков в высших учебных заведениях было предложено «тех из воспитанников высших учебных заведений, которые за свое дерзкое поведение и грубое неповиновение начальству не только заслуживают исключения, но и требуют особых мер для их исправления», направлять для отбывания воинской повинности в дисциплинарные батальоны [5, т. 2, с. 25–26].

К 100-летию юбилею известной дворянской грамоты Екатерины II в правительстве готовился проект рескрипта дворянству. В подготовке документа принимали участие самые известные сановники: великий князь Михаил Николаевич; обер-прокурор синода К. П. Победоносцев; товарищ министра внутренних дел И. Н. Дурново; статс-секретарь, председатель особого совещания по вопросу об изменении существующих условий приобретения потомственного дворянства А. С. Танеев и др. При подготовке текста рескрипта изучались мнения частных лиц, обратившихся в соответствующий комитет. Так, в архиве К. П. Победоносцева сохранилось анонимное письмо полтавского помещика, который писал, что «ни о каких преимуществах в пользу дворянства как особого народного состояния не должно быть речи, так как все дворянские преимущества должны приобретаться каждым дворянином лично, своим достоинством и заслугами государству» [5, т. 2, с. 84]. Он предлагал восстановить обязательность служения дворян в течение не менее десяти лет на военной или государственной службе, однако предоставить им пре-

имущества при занятии должностей по сравнению с другими сословиями. Уклоняющихся от службы Отечеству дворян он предлагал лишать дворянского звания. При этом анонимный автор письма считал, что дворянство должно отличаться от иных сословий еще и «умственным образованием и нравственным воспитанием». Образование дворян, по его убеждению, должно было отличаться энциклопедическим характером. Профессиональное образование, в том числе и высшее, должно стать уделом людей недворянского происхождения. Для дворян, по его убеждению, нужны особые учебные заведения, с тем чтобы дворянские дети и юноши «не смешивались» с представителями иных сословий, приобретая их нравы и привычки.

Как свидетельствует опубликованный вариант рескрипта (составленный преимущественно К. П. Победоносцевым), правительство Александра III не намеревалось произвести пересмотра всех прежних реформ – отмены крепостного права, основ судопроизводства, существования органов местного самоуправления... Курс политических реформ был остановлен, но кардинального поворота вспять предпринято не было [5, т. 2, с. 80–81].

К. П. Победоносцев со всем присущим ему темпераментом и даром убеждения выражал в российском образовании его православную, традиционную, державную составляющую. У обер-прокурора синода была глубоко продуманная образовательная политика: в начальной школе он видел прежде всего хранительницу российских традиций, религиозных устоев, нравственных норм и лишь затем – место обучения. Идеалом народной школы для него была церковно-приходская. Убеждения Победоносцева, несомненно консервативного характера, выглядят гуманистично. Его главная педагогическая книга «Учение и учитель», написанная в 1903–1904 гг., в центр внимания ставит человеческую личность учителя и ученика. Сквозь внешние, формальные оболочки – документацию, учебные планы и программы, правила правописания, результаты экзаменов – Победоносцев призывал увидеть личность и ее образовательные потребности.

На рубеже XIX–XX вв. консервативная идеология утратила прежнее лидирующее в обществе положение. «Возвышенно-романтические» идеалы самодержавия разбились о жесткую реальность. Взгляды К. П. Победоносцева по вопросу народного образования к началу XX в. уже значительно устарели. Он жестко выступал против высшего женского образования, видя в нем развращающий фактор, «ведущий к растлению нравов». Образовательные реформы, задуманные как средство сближения сословий, на деле привели к появлению элитных учебных заведений и приданию школьной системе преимущественно сословного характера, что еще больше раздвинуло пропасть между народом и власть имущими.

Список литературы

1. Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 2. Переизд. М., 1990.
2. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. Переиздано. М.: Русская книга, 1993. 640 с.
3. Победоносцев К. П. Ле-Пле. М., 1893.
4. Победоносцев К. П. Болезни нашего времени // Победоносцев К. П. Московский сборник. М., 1897.
5. К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары: в 2 т. Минск, 2003.

Войтеховская М. П., кандидат исторических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

Материал поступил в редакцию 11.12.2009

М. П. Voïtekhovskaya

CORRESPONDENCE OF K. P. POBEDONOSTSEV AS A SOURCE ON EDUCATIONAL HISTORY IN RUSSIA

The article is devoted to study of correspondence of K. P. Pobedonostsev, famous statesman of the second half of the 19th century, with journalists. Correspondence is published and it is a great source on educational history, as K. P. Pobedonostsev was an attorney-general of Holy Synod and he was in charge of education in Russia since 1880.

Key words: *education, educational history in Russia, history of the 19th century, K. P. Pobedonostsev.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomskaya oblast, Russia, 634061.